

Литература

- 1 Барт К. Послание к Римлянам /К. Барт. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – 560 с.
- 2 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне /Ю. Хабермас. — М.: Весь Мир, 2003. – 416 с.
- 3 Философский энциклопедический словарь /глав. науч. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Советская энциклопедия. – 840 с.
- 4 Хайдеггер М. Время и бытие /М. Хайдеггер. – М. Республика, 1993. – 447 с.
- 5 Барт К. Барменская декларация /К. Барт //Путь. – 1992. -- № 1. – С. 231-233.

УДК

Н. В. Сулова

Сете-, но не -тура

В статье определяются важнейшие составляющие мировоззрения, лежащего в основе сетературы как явления, выявляется ряд дифференциальных признаков сетевого искусства, предлагаются подходы к выработке научного описания понятия WebArt. Особое внимание уделяется проблеме некорректности применения традиционных критериев литературоведения и искусствоведения при оценке фактов сетевого искусства.

Давненько не брала я в руки шашек – как-то в последнее время все чаще шашку. Однако гуманистический по своему духу потенциал проекта «Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре» заряжает меня стремлением совершать акты гуманитарного характера. Дело в том, что с каждым годом на страницах сборников научных статей, материалов конференций появляется все больше работ, посвященных проблемам сетературы. Как правило, авторами подобных исследований выступают молодые ученые, которые в силу благоприобретенной привычки стремятся обрести некую твердую основу, далее используемую ими в качестве трамплина для прыжка в неизведанное. Не очень понимаю, зачем им трамплин – наслаждайтесь ощущением невесомости, медвежата! – но «привычка свыше нам дана»: историография вопроса – это святое. Какая-никакая историография проблем, связанных с сетературой, конечно, существует, но, к счастью, она еще не успела окаменеть и в процессе окаменения иерархизироваться, поэтому трамплин не имеет нужной степени устойчивости – «ходит» под ногами. Я полагаю, что именно этот факт подталкивает многих исследователей сетературы к обращению к методике поиска аналогий. Нет нужды говорить, что аналогии разыскиваются и с радостью отыскиваются в сфере литературоведения. Не удивительно: тот, кто профессионально ищет черную кошку в темной комнате, всегда ее там найдет, в особенности, если несчастного животного там нет. На мой взгляд, исследование сетературы по законам литературоведения не является оптимальным вариантом, более того, подобный подход зачастую приводит к смещению важных акцентов, а, порой, и к грубой подмене понятий, влекущей за собой искажение сути рассматриваемого явления. В предлагаемой статье я обозначаю ряд подобных ситуаций.

В первую очередь обратимся к обозначению понятия «сетература». Сразу отмечу, что терминологический статус этого явления представляется мне несколько сомнительным уже в плане выражения. Здесь явно сработал вышеупомянутый принцип аналогии. В результате смысловая «прозрачность» термина (сетература – сетевая литература – литература, которая расположена на сетевых ресурсах) позволила, с одной стороны, неоправданно расширить границы обозначаемого им явления, включив в них всю(!) литературу, представленную в сети, с другой – укрепила уверенность исследователей в том, что они имеют дело все с той же литературой, только в ином формате. Справедливости ради стоит сказать, что в последние годы большинство здравомыслящих субъектов, имеющих непосредственное отношение к

процессу осмысления функционирования сетературы, подчеркивает, что статус сетературных имеют только те литературные произведения, которые либо не могут функционировать вне сети, либо значительно обесцениваются, будучи из нее изъяты. Хотя это утверждение нуждается в ряде уточнений, оно, безусловно, имеет смысл.

Наиболее существенного уточнения в отношении сетературного организма требует статус понятия «литературное произведение». Начнем с того, что сетература во многом складывалась как явление оппозиционное к литературе традиционного типа. Самым важным пунктом среди претензий, предъявляемых сетевыми авторами к литературе в ее современном состоянии, был, пожалуй, пункт, связанный со всякого рода ограничениями и рамками. И речь здесь идет не только о цензуре, ограничивающей свободу творчества, о личных связях, способствующих успешному выстраиванию писательской карьеры, о серьезных материальных ресурсах, необходимых начинающему автору для «раскрутки»... Под свободой сетературисты понимают и независимость от сложившихся критериев «оценки качества» литературного произведения по отношению к создаваемому ими тексту. Тех самых критериев, включающих в себя все эти требования целостности, которая незримо должна являть себя и в какой угодно фрагментарности, полноты и неизбыточности, оптимального сочетания временного и вечного, отказа от штампов и всяческого эпигонства, кои, коли они невзначай проявятся, нужно обыгрывать так, чтобы новаторы начинали нервно курить... В общем – в случае необходимости можно перечитать статью «Художественность», размещенную в каком-нибудь солидном литературоведческом издании. Перечитать, чтобы потом забыть: мы имеем дело не с литературным произведением, а с сетературным текстом – вышеупомянутые и все прочие критерии художественности на него не распространяются. Неудовлетворяющий ни одному традиционному критерию сетературный текст может породить тысячи просмотров, сотни комментов, стать толчком к метатекстуальным вариациям, послужить объектом пародирования, дать толчок к формированию новой стилевой тенденции, разойтись на цитаты, обогатить великий и могучий олбанский язык... Сетевая культура – особый организм, переживающий изменения, которые с ним происходят, сообразно собственной логике. По этой причине оценивать качество сетературных текстов, на мой взгляд, следует в двух основных аспектах: во-первых, с точки зрения степени «вживаемости» текста в интернет-среду (ряд критериев для определения этой степени перечислен выше), во-вторых, с точки зрения личной шкалы оценивающего – пусть даже эта шкала будет ориентирована на нормы поэтики классицизма. Однако (не столько для соблюдения видимости корректности, сколько для проникновения в суть внутренней логики сетевой среды) свои суждения по поводу сетевого текста стоит, как мне кажется, обязательно вынести в комментарии к нему: возможно, обретя сетевой контекст, эти суждения потребуют существенной корректировки.

Сетературисты – это те, кто решительно «пересекает границы и закапывает рвы». Причем границы не только между «высоким» и «низким», между «оригиналом» и «копией», между «бриллиантом» и «стразом» – любые границы. Дух эпохи постмодерн, некогда вызвавший к жизни культуру постмодернизма, нашел свое наиболее адекватное воплощение в сетевом пространстве. То, о чем говорили адепты постмодернистского искусства на заре его становления: «Нет жанров, нет видов, нет типов – да здравствует его величество текст, ибо нет ничего, кроме свободного и безграничного текста, находящегося в состоянии вечного становления!» – стало реальностью в культуре сети. В силу выраженной семиотической природы сетевого пространства в целом по отношению к факту сетевого творчества корректнее употреблять обозначение «текст», что также позволит подчеркнуть не ограничивающийся исключительно вербальной формой способ бытования феномена сетевого искусства. Ярчайшим примером подобного синтетического проявления сетевого искусства является текст мема, совмещающего визуальный и словесный компоненты. Аватар, выступающий обычно в визуальной форме, также, на мой взгляд, может рассматриваться как текст, выполняющий одновременно и самостоятельную смысловую и мощную контекстообразующую функции. Более того, я не вижу особого смысла проводить демаркационные линии между разными формами текстуальной реализации явлений сетевого искусства. Так, например, важнейшим

элементом текста фанфикшн является так называемый фандом, представляющий совокупность текстуально выраженных реакций поклонников на некий претекст. Эти реакции, как правило, именуемые в фанфикерской среде фанфиками, совсем не обязательно имеют образ, сходный с литературным. Фанфики бытуют и в виде текстов, формально отсылающих к изобразительному искусству, к прикладному творчеству, к музыке – возможны самые разнообразные варианты. При этом, именно в своей совокупности они составляют текст фандома. Граница между изготовленной фанфикером подвеской эльфийской принцессы и описанием истории первой любви этой барышни, выложенной в сеть другим фанфикером, абсолютно условна и, в отдельных случаях, может быть оправдана исключительно спецификой работы поисковой системы.

Очевидно, что привычное разделение искусства на виды уже, по крайней мере, на протяжении ста с лишним лет изживает себя и вне сетевой среды. Как тут не вспомнить относительно недавние жесты, связанные с этим процессом, вроде знаменитого комментария-предупреждения, предпосланного Ильей Стогофф⁷ым его роману «Мачо не плачут» по поводу необходимости сочетания прочтения книги с одновременным прослушиванием альбома «The Fat Of The Land» группы «The Prodigy» - «в противном случае может не торкнуть!» Или второе издание «Священной книги оборотня» Виктора Пелевина, к которому прилагается диск, содержащий не столько саунд-трек к роману, сколько музыкальную составляющую этого текста. Я уже не говорю о таком явлении, как унибук, наиболее показательным примером которого в русской традиции выступает электронный вариант «Квеста» Бориса Акунина, и многочисленных вариациях вроде видео-, аудио- и прочих -ом. В пространстве сети процесс синтеза идет гораздо быстрее и приносит гораздо более ощутимые результаты. По этой причине я не считаю уместным использование термина сетература. Я готова принять его исключительно как «рабочее» обозначение явления, пригодное для использования на настоящем этапе осмысления феномена сетевой культуры. Более адекватным, хотя тоже не вполне совершенным, терминологическим определением мне представляется вариант WebArt (WA).

Под WA я понимаю единый текст сетевого искусства, по отношению к которому нецелесообразными являются попытки привнесения уже существующих или уточненных в связи с особенностями сетевой реальности принципов видовой и родовой классификации / типологии, т.к. это вступает в конфликт с сущностными особенностями сетевого текста, синтетического по своей природе. В пространстве текста WA формируются своеобразные «зоны притяжения», безусловно, не имеющие строгих границ, как-то фанфикшн, кибер-панк (в узком смысле), блог-литература, различные интернет-шоу, интернет-мемы и т.п. Наиболее значительным фактором, влияющим на возникновение таких зон, я считаю информационный повод – т.е. выдвигание на поверхность текста явления, вызывающего интерес и готовность к обсуждению у значительного количества реальных и потенциальных пользователей.

Что касается жанровой стратификации WA, то она достаточно условна и также является результатом стремления облегчить поиск интересующей информации в сети. Устойчивость жанровых парадигм в тексте WA очень относительна и сводится обычно к чисто формальному моменту, вроде картинки в чёрной рамке и комментирующего ее слогана определённого формата, характерных для демотиватора. О несколько пародийном характере установления жанровых канонов для явлений WA свидетельствуют многочисленные жанровые типологии, представленные на развитых фанфикшн-ресурсах, где счет выделяемых жанровых единиц идет на десятки. Подавляющее большинство так называемых жанров определяется совершенно в духе Капитана Очевидность: сонгфик – это фанфик в виде песни. Обладающие выраженным сетевым мышлением фанфикеры вообще, по-моему, интересуются проблемой жанра исключительно в связи с их трепетным отношением к ситуации свободы выбора. Предваряя текст фанфика дисклеймером, варнингом, рейтингом, пейрингом, описанием, они также указывают на его жанр (между прочим, понимая под этим некое общее настроение, атмосферу предлагаемого текста) исключительно для того, чтобы не посягнуть на свободу выбора потенциального читателя: знатный гомофоб вряд ли выберет для душевного чтения фанфик с пометкой «слэш», ну, а если выберет – «Tu l'as voulu, Georges

Dandin!» Таким образом, жанр в пространстве WA окончательно утрачивает статус канона и становится своего рода логотипом, выполняющим функции, формирующие, с одной стороны, ситуацию правильного позиционирования, с другой – узнавания.

В основе любого культурного явления лежит мировоззрение, которое и определяет основные особенности этого явления. Какие бы черты мировоззрения, опосредовавшие возникновение и развитие WA, не назывались, все они явно или опосредовано восходят к категории свободы. Это в высшей степени относится и к такому понятию, как авторское право, являющемуся священной короной для большей части представителей традиционного искусства и претерпевшему серьезную трансформацию в пространстве WA. Для «свядомой» части творцов WA понятие авторского права является фикцией: информация не принадлежит никому, потому что она принадлежит всем. Заявлять о своих правах на какой-то «участок» текста абсурдно, поскольку текст – живая, движущаяся, постоянно изменяющаяся материя, попытки «застолбить» часть которой абсолютно бесперспективны. Использование условно «чужого» текста (с точки зрения мышления WA – совершенно алогичная конструкция: как текст в принципе может быть чужим, если это единая среда нашего обитания, и как в данном конкретном случае он может быть чужим для меня, если я его использую?) вовсе не является фактом плагиата – это обеспечение его активной жизни. Как меня умиляют гневные тирады блогеров, вроде бы фактом принадлежности к блогосфере заявляющих о своей принадлежности к WA, о нелегитимных фактах цитирования их записей в различных медиа-источниках! Если блог носит коммерческий или, шире, утилитарный характер – тут все ясно: он имеет отношение к сети, но не имеет отношения к WA, поэтому никаких претензий к его автору быть не может – пусть себе блюдет свои не очень понятные мне интересы. Во всех иных случаях адекватный представитель WA либо вообще не прореагирует (текст текуч, так пусть себе течет и перетекает в иные зоны), либо порадует факту очередного просмотра, вероятно, повлекущему за собой расширение «зоны доступа» к активизированной им информации.

В свете вышеизложенного я окончательно утвердилась в решении покинуть старательно обрабатываемые мною земли Википедии (Wikipedia) ради вольного ветра прерий Лукоморья (Lurkmore). Википедия (или как истинная лукоморка я должна уже называть ее педивикией?) – воистину великий проект. Я убеждена, что если доступ к его ресурсам будет прекращен не на один день (последняя акция такого рода состоялась 10 июля 2012 года – в знак протеста против предлагаемых поправок к закону «Об информации», обсуждение которых пройдет в Государственной Думе Российской Федерации, что может стать основой для реальной цензуры в сети Интернет – формирования списка запрещенных сайтов и IP-адресов с их последующей фильтрацией), а на более длительный срок, система образования если не рухнет, то будет поколеблена в своих основах. Где, скажите, будут черпать информацию для курсовых, дипломных, контрольных работ еще не окончательно деградировавшие студенты (для окончательно деградировавших останутся ресурсы типа «миллион золотых школьных сочинений и серебряных рефератов»)? Но эти обязательные ссылки на источники и призывы быть скромными и не ссылаться на собственные работы, этот унылый наукообразный стиль, эта претензия на достоверность – есть в этом что-то противоречащее мировоззрению сети. То ли дело Лукоморье, статьи на котором должны, как минимум (он же максимум), отражать хотя бы одну из существующих точек зрения.